

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ ХРОНОЛОГИИ МОГИЛЬНИКОВ
ПО МЕТОДУ П. РЕЙНЕКЕ**

В 1902 г. П. Рейнеке предложил для исследования относительной хронологии могильников новый метод, суть которого сводилась к прослеживанию изменения набора типов вещей в погребениях с помощью изучения их совстречаемости в закрытых комплексах. Эти изменения интерпретировались в хронологическом аспекте [P. Reinecke 1902]. Относительная хронология восточного латена, построенная П. Рейнеке с помощью метода корреляции, действует до настоящего времени в несколько модифицированном виде, что свидетельствует не только об объективном подходе к материалу, но и о точности и объективности самого метода.

В первой половине XX века новый метод использовался эпизодически, что являлось закономерным следствием иллюстративности археологических материалов в общен историческом знании тех лет [Ф. Браун 1899 с. 22]. Одно из приятных исключений — работа П. П. Ефименко, успешно применившего корреляционные таблицы при исследовании хронологии Рязанских могильников [П. П. Ефименко 1926]. Но затем эта методика в советской археологии оказалась надолго забытой.

И только в 60-х гг. наметилась тенденция упорядочивания процедуры археологических исследований, вызванная выразившимся во все более кризисной форме несоответствием между задачами и методами археологии, отчетливо проявившемся и в археологической хронологии [Е. М. Крупнов 1970; Ю. Н. Захарук 1973]. Вполне естественным в создавшейся ситуации явилось повышение внимания к методу П. Рейнеке как одному из способов упорядочивания структуры археологических исследований в археологии [R. Nachmann 1961; H. Keiling 1969; K. Godłowski 1970; J. Vuјna 1982; В. О. Дергачев 1976; А. К. Амброз 1980; и др.] наряду с разработкой и апробированием других методов (например, [М. Б. Шукин 1978; А. Ю. Алексеев 1984]).

Широкомасштабное применение корреляционных методов со-

ветскими исследователями в последние годы [М. П. Абрамова 1972; Р. Д. Голдина 1979; А. К. Амброз 1980; А. В. Дмитриев 1982 и др.] при недостаточном их теоретическом осмыслении приводит к излишне доверительному отношению к получаемым периодизациям.

Метод П. Рейнке в соединении с методом узких датировок предстает в глазах археологов младшего поколения такой же панацеей от всех хронологических бед, какой для археологов старшего поколения казался метод определения абсолютных дат по C^{14} . Как выяснилось, даты, полученные радиоуглеродным методом, нуждаются в калибровке.

По-видимому, то же можно сказать и о методе П. Рейнке, так как вопрос о том, в какой степени корреляция типов вещей в погребениях отражает время реального использования их в живой культуре, остается практически неисследованным [Ю. М. Лесман 1988, с. 9—10].

Если же принять во внимание возможное расхождение времени составления комплекса погребального инвентаря и времени совершения погребения [Ю. А. Алексеев 1984, с. 73-74], а также то, что выделенные с помощью корреляции группы погребений могут оказаться не только хронологическими, но и, например, социальными [J. Vujna 1982; L. Kruta-Poppi 1979], то проблема выяснения реального исторического содержания полученных периодизаций еще более усложнится.

Необходимо определить критерии применения метода П. Рейнке, выяснить, какие условия позволяют считать выделенные с помощью корреляции группы погребений хронологическими.

Изучая встречаемость типов вещей в погребениях, археолог тем самым исследует одну из сторон культурной традиции, осуществляющей упорядочивающую функцию культуры [Э. С. Маркарян 1983, с. 33, 153—154, 172], причем культурная традиция понимается как социально обусловленное явление, как выражение коллективного стереотипизированного опыта. Следовательно, метод П. Рейнке наиболее корректно использовать для исследования погребений, оставленных одной социально-экономической единицей древности [К. С. Chang 1967; В. М. Массон 1976, с. 153], то есть он дает наименьшие искажения при исследовании каждого могильника в отдельности.

Однако и в этом случае исследователь не застрахован от некоторых неувязок при хронологической интерпретации полученных групп погребений. Как правило, такие неувязки остаются незамеченными.

Так, например, в большинстве периодизаций, построенных по методу П. Рейнке, погребения первых (ранних) фаз могильников содержат большое количество женских вещей (сережек, бус, браслетов и т. д.), выказывая при этом практически полное отсутствие специфически мужских вещей (оружия, например). Погребения поздних (последних) фаз тех же могильников, как

правило, почти не содержат женских вещей и зачастую содержат мужские. Подобная закономерность отмечена нами в ряде могильников позднего предримского [R. Nachmann 1961, Abb. 10, 26, 31, 46], римского [М. М. Трапп 1971, с. 218; Ю. Н. Воронов, В. А. Юшин 1979] и раннесредневекового [А. В. Дмитриев 1982] времени.]

Если считать все эти периодизации отражающими реальную историческую картину, мы будем вынуждены сделать вывод, что население, оставившее эти могильники, в течение жизни целого поколения хоронило исключительно женщин (первая фаза), а затем, когда все женщины вымерли, в течение примерно такого же отрезка времени хоронило исключительно мужчин (последняя фаза).

Подобная интерпретация, если она не подтверждается какими-либо дополнительными аргументами, выглядит, по меньшей мере, надуманно. Следовательно, в ходе исследования могильников не были учтены некоторые однотипные для варварских обществ особенности погребального ритуала.

Разновременность и территориальный разброс подобных случаев свидетельствуют в пользу того, что мы имеем дело не с индивидуальными особенностями каждого могильника, а с общей особенностью погребального обряда варварского мира, проявляющейся в различии темпов попадания однотипных вещей в мужские и женские погребения.

По этнографическим данным известно, что половозрастные различия погребенных наиболее существенно влияют на состав и облик погребального инвентаря [L. S. Binford 1971; В. М. Массон 1976, с. 152 сл.]. В ясторфской культуре существовали даже отдельные могильники для мужчин и женщин [Die Germanen 1976, S. 87—95, 186—196].

О том, что корреляцию типов вещей необходимо проводить отдельно для мужских и женских погребений, П. П. Ефименко писал еще в 1926 г. [П. П. Ефименко 1926]. Данные, накопленные за 50 лет после выхода его работы по хронологии Рязанских могильников, где впервые было произведено подобное разделение, полностью подтвердили его необходимость [H. W. Bohme 1974, S. 155—157].

Разделение погребений на женские и мужские при исследовании хронологии ставит перед нами проблему синхронизации двух периодизаций — «женской» и «мужской».

Поскольку темп бытования однотипных заимствованных вещей, по которым обычно датируются погребения латенизированных культур, различен в женских и мужских погребениях, синхронизация периодизаций может быть произведена по тем вещам, темп попадания которых в мужских и женских погребениях примерно одинаков — например, по керамике.

Однако это возможно далеко не всегда. В этом случае, если керамики в погребениях мало, или если она не поддается дос-

таточно четкому типологическому определению, у нас остается единственный способ синхронизации: считать первую фазу мужских погребений синхронной первой фазе женских, а последнюю — последней.

После проведения синхронизации внутри каждого могильника необходимо соотнести общие периодизации с абсолютной хронологией, а делается это, как привило, по заимствованным типам вещей. Появляется новая проблема: темп попадания вещей в какие погребения считать основой этого соотнесения? В случае принятия за истинный темпа попадания вещей в мужские погребения мы обнаруживаем значительную архаизацию женского погребального обряда, происходящую, по-видимому, вследствие того, что женщины хоронили с вещами их рода, полученными некогда в приданое [Е. М. Оятева 1971, с. 112].

Если же считать истинным темп попадания вещей в женские погребения, будет вполне логичным предположить, что в варварском мире мужская половина населения участвовала в постоянно повторяющихся, как правило, в виде набегов, контактах с более цивилизованными соседями, где и заимствовала новые типы вещей.

Для налаживания местного производства модных новинок был необходим определенный промежуток времени, и, когда «непризывное» население наконец получало их в массовом количестве, новые набеги доставляли наиболее активной части варварского населения новейшие типы.

Поскольку абсолютные ранние даты могильников латенизированных культур основываются почти исключительно на погребениях, содержащих женский инвентарь, и при этом не противоречат свидетельствам античных письменных источников и античной системе хронологии — логичным оказывается считать соответствующим темпу попадания вещей в погребения латенской культуры темп попадания их в женские погребения заимствовавшего населения.

Но в случае принятия этого положения оказывается, что некоторые типы вещей попадают в мужские погребения латенизированных культур раньше, чем в собственно латенские погребения, в которых различия темпов попадания вещей в мужские и женские погребения не наблюдаются. Это парадоксальное явление требует подробного рассмотрения.

Учитывая различие природы исторических и археологических дат, последние из которых при всех обстоятельствах являются неким интервалом во времени или сочетанием таких интервалов [М. В. Shchukin 1989, p. 18-29; М. Б. Шукин 1978], обратимся к градации временных характеристик, предложенной А. Ю. Алексеевым [1984, с. 73-74] и рассмотрим ее в применении к нашему материалу.

Основной хронологической характеристикой вещей является

время их использования — T_1 (рис. 1), изучаемое с помощью стратиграфии поселений.

Непосредственно зависит от него T_2 — время накопления погребального набора вещей, соответствующее «широкой датировке» [М. Б. Шукин 1978]. По сути дела T_1 и T_2 должны совпадать.

Отрезком времени, когда совместно использовались все вещи погребального комплекса, определяется наиболее вероятное время его составления — T_3 , соответствующее «узкой датировке».

Время совершения погребения, T_4 , либо одновременно T_3 , либо несколько позднее его [А. Ю. Алексеев 1984, с. 74].

Начальная дата наипозднейшей вещи в конечном итоге определяет «узкую» датировку T_3 , а погребение может быть совершено на протяжении всего времени бытования наипозднейших вещей (T_4). T_3 и T_4 поэтому имеют некоторую тенденцию к запаздыванию по сравнению с живой культурой. При определении T_3 и T_4 невольно делается акцент на позднюю часть широкой датировки.

Если же мы хотим определить T_5 , время заимствования вещей, например носителями латенизированных культур из латенской, то оно происходило в живой культуре и следовательно не может быть позже верхнего предела бытования самых ранних вещей комплекса. В T_5 акцент должен быть сделан на раннюю часть широкой датировки.

При определении T_6 , времени попадания заимствованных типов вещей в местные погребальные комплексы, можно наметить два интервала, T_{6a} , соответствующий T_5 , и T_{6b} , определяемый по дате наипозднейших вещей. Учитывая же неоднократно отмечавшуюся неравномерность ритма развития латенской и латенизированных культур (например, [К. В. Каспарова 1982, с. 115]) и неравномерность развития культуры вообще [Ю. М. Лесман 1984, с. 126], может оказаться, что T_6 в ряде случаев будет раньше T_3 и T_4 в латенской культуре (T_{6a}). Темпы запаздывания погребальных комплексов по сравнению с живой культурой могут оказаться различными. Этим, вероятно, и объясняется тот феномен, когда при сравнении датировок латенских импортов по хронологической шкале латена с датировками по античной и скифской хронологии латенские датировки оказываются несколько завышенными [Е. В. Максимов 1982, с. 21—25]. При сопоставлении же археологических данных с письменными источниками более актуальными являются T_5 и T_{6b} . Архаизированная женская мертвая субкультура больше соответствует во времени живой культуре, чем мужская мертвая субкультура.

Таким образом, не следует абсолютизировать точность конечных результатов исследований, проведенных по методу П. Рейнке: этот метод позволяет определять не даты исполь-

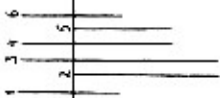

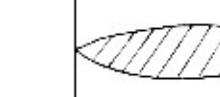
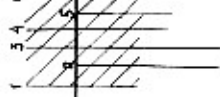

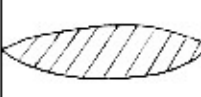
ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРИОДА	T₁ ВРЕМЯ ИСПОЛЗОВАНИЯ ВЕЩЕЙ В ЦЕНТРЕ ПРОИЗВОДСТВА	T₂ ВРЕМЯ НАКОПЛЕНИЯ ПОГРЕВАННОЙ НАБОРА ВЕЩЕЙ В ЦЕНТРЕ ПРОИЗВОДСТВА	T₃ НАИБОЛЕЕ БЕЗОПАСНОЕ ВРЕМЯ ПОЛИНОТО СОСТАВЛЕНИЯ ЛУГРЕД. КОМПЛЕКСА ВЕЩЕЙ В ЦЕНТРЕ ПРОИЗВОДСТВА	T₄ ВРЕМЯ СОВЕРШЕНИЯ ПОГРЕБИТЕЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВА	T₅ ВРЕМЯ ВОЗМОЖНОГО ЗАМЕСГОВАНИЯ КОМПЛЕКСА ВЕЩЕЙ ИЗ ЦЕНТРА ПРОИЗВОДСТВА	T₆ ВРЕМЯ ПОПАДАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ КОМПЛЕКСА ТИПОВ ВЕЩЕЙ В ПОГРЕБЕЧНИК
1						
2						
3						
МЕТОД	ХРОНОЛОГИЯ ПОСЕЛЕНИИ	ШИРОКОЕ ДАТИРОВАНИЕ	УЗКАЯ ДАТИРОВАНИЕ	УЗКАЯ ДАТИРОВАНИЕ И ИССЛЕДОВАНИЕ ОСТАТКОВ ГОРЯЧИИ И ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБЕЛЬНОГО СООУЖЕНИЯ	ЛЮБЫТСКИЙ МЕТОД	МЕТОД И. ДЕННИС

Рис. 1. Соотношение временных характеристик вещей из погребальных комплексов,

зования вещей в живой культуре, а даты прекращения использования вещей, близкие датам совершения погребений. Хронология поселений поэтому отлична от хронологии могильников.

Метод не дает нам полной картины развития материальной культуры древнего населения, но позволяет объективно устанавливать границы периодов относительной хронологии погребальной обрядности, другими методами не фиксируемые и могущие послужить самостоятельным источником информации, которых ценен сам по себе [Е. М. Крупнов 1970, с. 20].

Литература

- Абрамова М. П. Нижне-Джуглатский могильник. Нальчик, 1972.
- Алексеев А. Ю. О месте Чертомлыкского кургана в хронологии скифских погребений//АСГЭ. 1984. Вып. 25.
- Амброз А. К. Бирские могильники и проблемы хронологии Приуралья в IV-VII вв.//Средневековые древности европейских степей. М., 1980.
- Браун Ф. Рассказы в области готско-славянских отношений. Санкт-Петербург, 1899.
- Вороков Ю. Н., Юшин В. А. Ранний горизонт (II-IV вв. н. э.) в могильниках цезельдинской культуры//СА. 1979. № 1.
- Голдина Р. Д. Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в верхнем Прикамье//КСИА. 1979. Вып. 158.
- Дергачев В. О. Класифікація кераміки і відносна хронологія Вихватинського могильника//Археологін. 1976. Вып. 19.
- Дмитриев А. В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо//Древности эпохи Великого переселения народов. М., 1982.
- Ефименко П. П. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа//Материалы по этнографии. 1926. т. III. Вып. 1.
- Захарук Ю. Н. Проблемная ситуация в археологии//СА. 1973. № 4.
- Каспарова К. В. Зарубинская культура в хронологической системе культур эпохи латена//АСГЭ. 1984. Вып. 25.
- Крупнов Е. М. Об историческом аспекте в изучении материальной культуры//Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.
- Лесман Ю. М. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации)//Археологические исследования Новгородской земли. Л., 1984.
- Лесман Ю. М. Погребальные памятники северо-запада Новгородской земли и Новгород XI-XIV вв. (синхронизация вещевых комплексов). Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1988.
- Максимов Е. В. Зарубинская культура на территории СССР. Киев, 1982.
- Маркьян Э. С. Теория культуры и современная наука: логико-методический анализ. М., 1983.
- Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
- Оятева Е. И. Ранние находки кожаной обуви на территории Западной Европы//АСГЭ. 1971. Вып. 13.⁰
- Трапш М. М. Культура цезельдинских некрополей//Труды в 4-х томах. Т. 3. Тбилиси, 1971.
- Шукин М. Б. О датировках узких и датировках широких//Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2.
- Binford L. S. Mortuary Practices: Their Study and Their Potential//Memories of the Society of American Archaeology. 1971. Т. 25.
- Böhme H. W. Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts. München, 1974.

Bujna J. Spiegelung der Socialstruktur auf latènezeitlichen Gräberfelder im Karpatenbecken//PA. 1982. R. LXXIII. C. 2.

Chang K. C. Rethinking Archaeology. New York, 1967.

Die Germanen. Bd. 2. Berlin, 1976.

Godłowski K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Period Kraków, 1970.

Hachmann R. Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit//BRGK. 1961. Bd. 41.

Keiling H. Die vorrömische Eisenzeit im Elde-Karthane Gebiet. Schwerin, 1969.

Kruta-Poppi L. La sépulture de Ceretolo (Province de Bologne) et le faciès Boien du III-e s. av. n. e.//Etudes Celtiques. 1979. T. 19.

Reinecke P. Zur Kenntniss der La Tène Denkmäler der Zone nordwärts der Alpen//Festschrift der Römisch-Germanische Zentralmuseum zu Mainz. 1902.

Shchukin M. B. Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe 1st Century B. C. — 1st Century A. D.//BAR, Internat. Ser. 1989. N. 542.

Е. С. Нефедова

К ВОПРОСУ О БРАСЛЕТАХ «ЛАТЕНСКОГО СТИЛЯ»

К браслетам латенского стиля на территории Европейской части СССР обычно относят изделия, орнаментированные шишечками или рубчиками [В. Г. Петренко 1978, с. 55; В. Е. Еременко, Г. М. Залашко, 1986]. Исследователи придерживаются разных мнений относительно происхождения этих браслетов и места их изготовления. Так, Ю. В. Кухаренко, О. Н. Мельниковская, П. Н. Третьяков, опираясь на аналогии, относят браслеты к гальштатско-латенскому кругу [Ю. В. Кухаренко 1959, с. 36; О. Н. Мельниковская 1967, с. 80; П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт 1963, с. 138]. Е. А. Шмидт, В. Г. Петренко, также основываясь на аналогиях, точно определяют культуру, к которой восходят браслеты [П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт 1963, с. 163, 164; В. Г. Петренко 1978, с. 53-54]. В. Е. Еременко и Г. М. Залашко не только относят браслеты к латенской культуре, но и считают их изготовленными кельтскими ремесленниками [В. Е. Еременко, Г. М. Залашко 1986].

Вопрос происхождения этих изделий занимает археологов, так как на городищах лесной зоны важна каждая датирующая находка. Обращаясь вновь к проблеме их датировки, попробуем пойти по пути, предложенному исследователями, и привлечь все возможные аналогии браслетам, относимым к гальштатско-латенскому кругу.

Обычно авторы рассматривают находки одного региона или памятника и создают типологию для всех браслетов этой территории (см. например [В. Г. Петренко 1978]). Больше всего подходят для решения нашей задачи принципы типологии, пред-